

Михаил Бакунин

КОММУНИЗМ

Последний номер «Наблюдателя»¹ содержит статью или, вернее, начало статьи о коммунизме, которая очень приятно нас поразила. Она написана с таким достоинством и спокойствием, которые в «Наблюдателе» действительно изумляют.

Есть люди, которые утверждают, что такой тон в «Наблюдателе» всегда является плохим признаком, и мы признаемся, что очень часто разделяли это мнение. Но на сей раз, как нам кажется, дело обстоит несколько иначе: по-видимому, «Наблюдатель» уразумел всю опасную серьезность коммунизма и решился теперь отказаться от своей обычной манеры, недостойной серьезного человека и серьезной души, и исследовать этот в высшей степени важный предмет с достоинством и добросовестностью.

Дальнейшее покажет нам, ошиблись ли мы. Однако известно, что ничто не действует столь деморализующим образом на человека, как сознание, что от него не ожидают ничего хорошего и благородного. И если «Наблюдатель» действительно хочет исправиться, то мы не хотим преждевременным запоздыванием его цели сделать для него эту задачу невыполнимой. Напротив, мы всеми находящимися в нашем распоряжении средствами будем стараться удержать его на этом более похвальном пути.

Во всяком случае, коммунизм представляет весьма важное и опасное явление, и этим очень многое сказано. Ибо опасным, действительно опасным может быть для общества явление лишь постольку, поскольку оно содержит в себе по крайней мере относительную истину и находит свое оправдание в самом состоянии общества. То, что является только случайным, не может быть опасным для благоустроенного государства, ибо все могущество и живая сила государства заключаются именно в том, что оно сохраняет себя и может сохранить себя от тысячи случайностей повседневности. Государство должно и может быть выше всяких бед, которые возникают из злонамеренности отдельных лиц. Для этого существует полиция, для этого существуют законы и суды, для этого существует вся организация государства. Вор и даже большая банда разбойников могут быть опасны для тех или иных отдельных лиц в государстве, но не для самого государства, покуда оно остается здоровым и хорошо устроенным организмом.

Совершенно иначе обстоит дело с явлением, которое имеет своим источником не произвол и злую волю отдельных личностей, а недостатки государственного организма, государственных учреждений, всего политического тела. По отношению к такому явлению государство имеет только два выхода: или воспринять в свой организм заключающееся в нем право и постольку реформировать себя самого мирным путем, или же прибегнуть к силе. Но на этом втором пути каждое государство, наверное, пойдет к гибели, так как право,

¹ Речь идет о выходящей в Цюрихе газете «Der Schweizerischer Beobachter» («Швейцарский наблюдатель»), выражавшей взгляды консервативной партии.

вошедшее в сознание, непреодолимо.

Вот те причины, по которым мы вместе с «Наблюдателем» считаем коммунизм весьма важным и в высшей степени опасным явлением. Во избежание недоразумений мы раз навсегда заявляем, что мы лично — не коммунисты и что у нас столь же мало охоты, как и у господ из «Наблюдателя», жить в обществе, устроенном по плану Вейтлинга. Это — не свободное общество, не действительно живое объединение свободных людей, а невыносимое принуждение, насильем сплоченное стадо животных, преследующих исключительно материальные цели и ничего не знающих о духовной стороне жизни и о доставляемых ею высоких наслаждениях. Мы даже не думаем, чтобы такое общество когда-либо могло быть создано, ибо мы настолько верны в снятую, более или менее сознательно присущую всем людям силу истины, что можем быть в этом отношении вполне спокойны.

Но, с другой стороны, мы вполне убеждены, что коммунизм в самом деле содержит элементы, которые мы считаем в высшей степени важными, даже более чем важными: в основе его лежат священнейшие права и гуманнейшие требования, и в них-то и заключается та великая, чудесная сила, которая поразительно действует на умы. Коммунисты сами не понимают этой незримо действующей силы. Но только в ней и только благодаря ей они представляют нечто, без нее же они — ничто. Только эта сила в короткое время сделала коммунистов из ничего чем-то сильным и грозным, ибо не следует скрывать от себя: коммунизм стал теперь мировым вопросом, который ни один государственный деятель не может *игнорировать*, а тем более *разрешать просто силой*.

По-видимому, «Наблюдатель» думает, что коммунизм является непосредственным результатом немецкой философии и радикализма и отличается от них обоих только тем, что имеет смелость и добросовестность высказывать открыто и ясно такие взгляды, которые этими последними или облакаются в непонятный философский жаргон, или совершенно замалчиваются.

Что касается мнимого замалчивания у философов и радикалов, то мы не думаем, чтобы «Наблюдатель» всерьез высказал это обвинение. Это было только шуткой с его стороны, ибо в действительности он сам, напротив, убежден и отлично знает, что вся сила радикалов заключается в публичности и что замалчивание есть необходимая участь так называемой консервативной партии, которая нуждается в народе только как в средстве и не видит в нем цели. Он отлично знает, что самоуправление народа составляет принцип, лежащий в основе всех взглядов радикалов, и что эти последние специально работали над улучшением школы и развитием народного образования, ибо были убеждены, что народ сможет сам собою управлять лишь постольку, поскольку он является совершеннолетним и самостоятельным, и что только путем образования он может быть поднят до совершеннолетия и самостоятельности. Одним словом, «Наблюдатель» отлично знает, что главная цель радикалов есть освобождение

народа от опеки знатных и богатых как таковых, и потому мы не будем больше тратить время на опровержение обвинения, которое, впрочем, как уже сказано, было простой шуткой.

Философия и радикализм имеют, правда, много общего с коммунизмом. Чтобы действительно понимать явление, конечно, недостаточно подчеркивать только ту сторону, которая является общею с другими явлениями. Необходимо также ознакомиться с его существенными отличиями, иначе мы неминуемо должны будем прийти к утверждению, что все оказывается одним, ибо нет ни единой вещи в физическом и духовном мире, которая не имела бы ничего общего со всеми другими вещами.

Во всяком случае, философия в очень многих пунктах соприкасается с коммунизмом. Да иначе и быть не могло. Жизнь и ход развития человечества являются не безразличным сборищем случайных событий, а необходимым и внутренне разумно организованным шествием единого духа, который целиком отражается в каждом отдельном проявлении своей внутренней сущности точно так же, как общая жизнеспособность и общая чувствительность человеческого организма коренятся в мельчайших частях его.

Поэтому современная философия необходимо должна иметь с коммунизмом очень много общего, так как оба они родились из духа нашего времени и представляют собой самые значительные его откровения. Какова цель философии? Познание истины. Но истина не есть нечто вполне абстрактное и воздушное, а потому она может и даже должна оказывать значительное влияние на общественные отношения, на организацию общества. Уже в Евангелии сказано: «Познают истину, и истина освободит их». В этих немногих словах высказано все стремление философии, а что это стремление не осталось бесплодным, об этом можно судить по новейшей истории и по истории французской революции. Еще незадолго до революции трудящаяся, лучшая часть французского народа находилась в самом печальном положении. Она не владела даже одной третьей частью земли, самый труд ее, единственное средство ее существования, был отягчен всевозможными препятствиями, и однако именно на эту часть населения ложилось все бремя государственных налогов, а сверх того она принуждена была платить особые подати в пользу духовенства и аристократии. Мы уже не говорим о других унижительных повинностях, возложенных на бедный народ. Суды были так устроены, что знатные всегда оказывались правыми против народа. Народ, одним словом, во всех отношениях угнетался знатью. А почему? Не потому, что он был слаб, боже упаси, народ никогда не бывает слаб, а потому, что он был невежествен и давал себя обманывать католическим попам, которые толковали ему, что король, дворянство и духовенство даны ему божьей милостью и что народ должен служить им, склоняться перед ними и терпеть от них унижения, дабы получить за это царствие небесное. «Ты глуп, ты не способен правильно понимать нас, положишься поэтому на нас, мы будем тобою руководить» — так говорили

попы народу, и бедный народ, в котором всегда скрыто так много веры и так много здравого смысла, действительно поверил, что он глуп, и подавлял в себе, как порождение дьявола, всякие сомнения, всякие освободительные мысли. Что освободило народ от этого духовного рабства? Философия. Философы прошедшего столетия во многом ошибались, немало святого и красивого они просмотрели, но свое провиденциальное назначение, заключающееся в том, чтобы заставить народ почувствовать себя самого, привести его к сознанию своего достоинства и своих неизменных святых прав, — это назначение они верно выполнили. История судит всегда лучше и великодушнее, чем мелкие, слепые и потому злопахательские партии, и по этой причине она, несомненно, сохранит их имена среди имен освободителей и лучших слуг человечества.

Вплоть до настоящего времени философия продолжает еще свою упорную борьбу, борьбу на жизнь и смерть, со всеми предрассудками, со всем тем, что мешало людям достигнуть их высокой святой цели, осуществления свободного и братского общества, осуществления царства божия на земле. Ей остается еще многое сделать, еще против многого бороться, чтобы сорвать покров лжи, который консервативные друзья народа в эгоистических интересах набрасывают на народ. Но она имеет мужество истины, и она победит и должна победить, так как истина, познание истины есть ее единственное оружие. Она сражается при свете, а ее враги — во мраке ночи. Ее враги пробуждают в народе грубые, темные страсти, демоническое, она же, наоборот, опирается только на богоподобную, светлую сторону человеческой природы, она апеллирует к высокой страсти свободы, любви и познания. А бог, истина в конце концов одержат же победу над тьмою.

Вот в чем пункт соприкосновения между философией и коммунизмом: оба стремятся к освобождению людей. Но здесь же начинается и их существенное расхождение. Философия по существу своему только *теоретична*, она движется и развивается только в рамках познания; коммунизм же в своей нынешней форме, наоборот, является только практическим. Этим указаны как преимущества, так и недостатки каждого из этих явлений по отношению к другому. Правда, мысль и дело, истина и нравственность, теория и практика составляют в последнем счете одно и то же, единую нераздельную сущность. Правда, величайшая заслуга новейшей философии и заключается в том, что она признала и познала это единство, но с этим познанием она дошла до своего предела, — предела, которого она как философия не может перешагнуть, ибо по ту сторону этого предела начинается более высокая сущность, чем она, — действительное, одушевленное любовью и вытекающее из божественной сущности первобытного равенства *общение* свободных людей, посястороннее осуществление того, что составляет божественную сущность христианства, истинный коммунизм.

«И для него (Вейтлинга), — говорит «Наблюдатель», — как и для «Швейцарского республиканца», всякое национальное чувство является глупостью,

бессмыслицей. Существуют только люди, а не собственно народы, только граждане мира, а не *граждане государств*.

Опять мистификация! О, «Наблюдатель» — плут, правда христианский, но все-таки плут. Иногда он шутит так тонко, что его шутки можно принять за правду, но он слишком умен, чтобы действительно быть такого мнения о «Республиканце», и слишком нравствен, чтобы говорить всерьез то, чему он сам не может верить. Как, «Республиканец» объявляет всякое национальное чувство глупостью и бессмыслицей? Разве «Наблюдатель» не знает, что «Республиканец» всегда считал возмутительной, позорной государственной изменой, если кто-либо ради победы своих собственных политических взглядов, верны ли эти взгляды или неверны, станет способствовать вмешательству иностранцев в дела своего отечества? Самостоятельность и гордая независимость Швейцарии по отношению ко всем влияниям иностранных правительств — разве это не было постоянной целью «Республиканца» и разве он это недостаточно доказал своим поведением, например, в деле Совета, в осложнениях с Луи Бонапартом и в деле Гервега²?

В том, что Вейтлинг игнорирует значение национальности, мы его упрекать не станем: это — ошибка, но необходимая ошибка, неизбежная ступень в развитии коммунизма. Всякое великое историческое явление, даже христианство, остается вначале односторонним, только отрицанием существующего. Так, христианство вначале, безусловно, отрицало искусство, потому что искусство было тогда нераздельно связано с язычеством. Но впоследствии оно снова признало искусство, как возрожденное из христианского начала. И таким образом возникло христианское искусство. Точно так же обстоит дело и с коммунизмом. Сейчас он отрицает всякую национальность не потому, что принцип национальности по самому существу был плох. Об этом коммунизм пока еще ничего не знает, потому что он вообще теоретически, научно еще очень малоразвит, потому что он еще далек от того, чтобы уразуметь свой собственный принцип во всей его истинности и во всей полноте вытекающих из него выводов. Но коммунизм отрицает все национальности потому, что в своем нынешнем виде они не проводят своего принципа и вместо того, чтобы быть живыми и свободными носителями и органами единого человечества, черство и эгоистически восстают против того божественного единства, в котором они только и могут достигнуть своего истинного назначения.

Надо остерегаться смешения космополитизма коммунистов с космополитизмом прошлого столетия. Теоретический космополитизм³ прошлого века

² Речь идет о дипломатическом конфликте между правительством Швейцарии и Франции времен Луи Филиппа в связи с отклонением швейцарским правительством требования французского правительства о высылке поселившегося в Швейцарии после неудачного государственного переворота принца *Луи Бонапарта* (будущего Наполеона III). Швейцарское правительство уступило давлению германских правительств и выслало в 1843 г. немецкого поэта, революционера-демократа Г. Гервега из Цюриха.

был холодным, индифферентным, рефлексивным, без почвы и страсти. Он был мертвой и бесплодной абстракцией, теоретическим построением, лишенным хотя бы малейшей искры продуктивного, творческого огня. Против этой безжизненной и бездушной тени демоническая отрицательная стихия национальности была, безусловно, права и действительно одержала над ним полную победу.

Напротив, коммунизм нельзя упрекнуть в недостатке страсти и огня. Коммунизм — не фантом, не тень. В нем скрыты тепло и жар, которые с громадной силой рвутся к свету, пламень которого уже нельзя затушить и взрыв которого может стать опасным и даже ужасным, если привилегированный образованный класс не облегчит ему любовью и жертвами и полным признанием его всемирно-исторической миссии этот переход к свету.

Коммунизм — не безжизненная тень. Он произошел из народа, а из народа никогда не может родиться тень. Народ — а под народом я понимаю большинство, широчайшую массу бедных и угнетенных, — народ, говорю я, всегда был единственной творческой почвой, из которой только и произошли все великие деяния истории, все освободительные революции. Кто чужд народу, того все дела заранее поражены проклятием. Творить, действительно творить можно только при действительном электрическом соприкосновении с народом. Христос и Лютер вышли из *простого* народа, и если, герои французской революции могучей рукой заложили первый фундамент будущего храма свободы и равенства, то это удалось им только потому, что они возродились в бурном океане народной жизни.

Таким образом, протест коммунизма против принципа национальности гораздо важнее и значительнее протеста просвещенных космополитов прошлого века. Коммунизм исходит не из теории, а из практического инстинкта, из народного инстинкта, а последний никогда не ошибается. Его протест есть могучий вердикт человечества, святое и единоспасающее единство которого до сих пор еще нарушается узким эгоизмом наций.

Или, быть может, «Наблюдатель» не желает ничего знать о человечестве? Разве для него идея человечества действительно бессмыслица, пустое слово? Это было бы странно! Ведь он не только «Наблюдатель», но и христианский «Наблюдатель», а как таковой он должен был бы хорошо знать, что подчеркивание идеи человечества перед лицом обособленных и строго замкнутых в себе наций языческой эпохи было одним из величайших дел христианства.

Все люди, все без исключения, — братья, учит Евангелие, и только тогда, когда они любят друг друга, в них присутствует незримый бог, искупительная

³ В 40-х гг. XIX в. термин *космополитизм* означал приверженность наднациональной идее единства человеческого рода, солидарности народов и стран как частей одного человечества. Применительно к коммунизму этот термин у Бакунина не совсем адекватно выражал его интернациональный характер.

и освобождающая истина, присовокупляет к этому Иоанн. Следовательно, отдельный человек, как бы высоки и нравственны ни были его побуждения, не может причаститься истине, если он не живет в обществе. Не в отдельном лице, а только в общении присутствует бог, и, таким образом, добродетель отдельной личности, живая, плодотворная добродетель, возможна только путем святого и чудодейственного союза любви, только в общении. Вне общения человек — ничто, в общении — все. И когда Библия говорит об общении, то она меньше всего понимает под этим отдельные, узко замыкающиеся в себе общины или нации. О национальных различиях первобытное христианство ничего не знает, а проповедуемое им общение есть общение всех людей человечества.

Таким образом, Вейтлинг вполне верен первобытному христианству, когда во имя единого и неделимого человечества отвергает разъединяющий принцип национальности. Христианство также выступало вначале односторонне как отрицание, как разрушение всех национальных различий. Впоследствии внутри христианского мира снова образовалось разумное различие. Но до тех пор, пока христианство сохраняло еще свою мощь, оно в отдельные великие исторические моменты было также в состоянии снова устранять обособление наций и объединять их все в одной великой общей цели. Лучшим доказательством этому могут служить крестовые походы.

Теперь власть христианства над государством исчезла. Современные государства, правда, еще называют себя христианскими, но они уже таковыми не являются. Христианство служит для них только средством, а не источником и целью их существования. Они живут и действуют на началах, которые совершенно противоположны христианству. А то, что они еще называют себя христианскими, есть лицемерие, более или менее сознательное лицемерие. В дальнейшем изложении мы надеемся доказать это ясно и неопровержимо. Мы исследуем важнейшие стороны современной государственной жизни и покажем, что христианство оказывается здесь только слабой тенью и что только нехристианское здесь действительно.

Но с тех пор как христианство перестало быть связующим и одухотворяющим европейские государства цементом, что же еще связывает их, что сохраняет в них святыню согласия и любви, которые были возвещены им христианством? Святой дух свободы и равенства, дух чистой человечности, в громе и молнии открывшиеся людям во время французской революции и, подобно семенам новой жизни, разнесенные повсюду посредством революционных войн. Французская революция есть начало новой жизни. Многие так слепы, что думают, будто побороли и укротили ее мощный дух. Жалкие люди, как ужасно будет их пробуждение! Нет, революционная драма еще не закончена. Мы родились под революционной звездой, мы живем и все без исключения умрем под ее влиянием. Мы находимся накануне великого всемирно-исторического переворота, мы — накануне новой борьбы, тем более опасной, что она будет носить не просто политический, но и принципиальный религиозный

характер. Не следует предаваться иллюзиям: речь будет идти не меньше чем о новой религии, о религии демократии, которая под старым знаменем с надписью «Свобода, равенство и братство» начнет свою новую борьбу, борьбу на жизнь и смерть.

Вот дух, породивший коммунизм. Этот дух ныне невидимо сплачивает воедино все народы без различия национальности. Этому духу, блестящему преемнику христианства, противятся ныне так называемые христианские правительства и все монархические правители и владыки, ибо они прекрасно знают, что их мнимое христианство, их корыстные дела не в состоянии будут вынести его пламенного взора. И что они делают, какие средства они употребляют, чтобы помешать его победе? Они стараются развить в народе национальное чувство за счет человечности и любви, они, христианские правительства, пропагандируют ненависть и убийство во имя национальности!

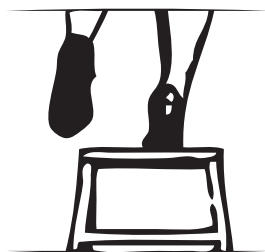
Против них Вейтлинг и коммунисты, несомненно, правы, ибо по принципам самого христианства должно быть уничтожено все, что противится духу любви⁴.

⁴ Статья «Коммунизм» осталась незаконченной.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Михаил Бакунин

Коммунизм

1843

Впервые опубликована на немецком языке в газете демократического направления «Der Schweizerischer Republikaner» (1843. 2, 6 и 13. VI), издававшейся Ю. Фребелем в Цюрихе. На русском языке впервые опубликована в журнале «Красный архив» (1926. № 1 (14). С. 59—64). В настоящем издании текст печатается по: Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987. С. 233-241.

Сохранено 1 октября 2011г. из a-read.narod.ru